

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВИЕ ТВОЕ

Речь об освобождении земли

Мы только что соединились к самой торжественной, самой святой, самой великой из всех молитв: «Отче наш, иже еси на небесех». Все мы с детства знаем ее, и она пробуждает в нас нередко самые нежные, самые радостные чувства. Много раз мы повторяли ее, когда— в ответ на запрос души, когда—только лишь в силу привычки. В течение столетий ежедневно, ежечасно возносилась эта молитва: «Да приидет царствие Твое». Но пришло ли оно? Пусть ответит на это любой христианский город, хотя бы один из тех, в которых должна бы «процветать проповедь слова Божие!», «Да приидет царствие Твое!». День за днем, неделя за неделей, столетие за столетием возносилась эта молитва; и все же в любом христианском городе тысячи семей живут самой жалкой, беспросветной жизнью. «Да приидет царствие Твое!» Мы молились и молимся о нем, и все же оно не приходит. Так замедлилось оно, что многие из нас стали думать, будто и вовсе оно не наступит. Вот тут-то и дает себя знать разница между тем, что мы теперь называем христианством, и христианством, которое овладело древним миром и под слоем прежней сгнившей общности насадило семена новой, более высокой. Мы свыклись с мыслью, что царство Божие не предназначено для этого мира, что мир наш, в сущности, всегда будет во власти дьявола и что царство Божие находится где-то в иных мирах, куда Господь берет всех добрых людей, когда те умирают. А если это так, то какой тогда смысл в молитве о наступлении этого царства? И каким представляется тогда Бог, христианский Бог, всемогущий, любящий Отец, о котором говорил Христос? Он смотрит на наш мир, видит его страдание и бедствие, видит как гибнут таланты, как гаснут жизни, как невинность доходит до порока и преступлений, как натягиваются и рвутся сердечные струны, и все же, имеем полную к тому возможность, не дает нам своего царства мира, любви, изобилие и счастья... Разве не должен Он казаться самовластным деспотом, перед которым надо ползать, чтобы удостоиться его милостей?

Но подумайте только. Ведь Всемогущий Господь, — я говорю это с глубоким благоговением, — ведь Всемогущий Господь не мог бы дать нам Своего царства. Что представляет из себя то царство Божие, о котором Христос учил нас молиться? Разве не есть оно исполнение

воли Бога не самодействующими приборами, не принуждаемыми животными, но разумными существами, созданными по Его образу, одаренными свободной волей и умеющими отличать добро от зла? Глубокую истину, приносящую в самую сущность христианства выразил кто-то, заметив, что Бог никогда никого не посылает в ад; что даже дьяволы пошли в ад только потому, что они сами хотели туда скорее, чем в рай. Духи зла не чувствовали бы себя счастливыми там, где царил бы дух добра: сочетавшись с неправдой и любя неправду, они были бы несчастны там, где справедливость была бы законом. И, соответственно этому, Бог не мог бы поставить разумных существ, обладающих свободной волей, в такие условия, когда они должны бы были поступать праведно, не уничтожив их свободной воли. Да, не мог бы. «Да придет царствие Твое!» Когда Христос учил людей этой молитве, то он думал, что они будут не праздно повторять его слова, но что для наступления этого царства они будут работать так же, как молиться!

Молитесь! Подумайте же, что такое молитва. Как справедлива старинная притча! Человек, телега которого увязла в дороге, упал на колени и молился Юпитеру, чтобы тот вытащил ее. Он мог бы молиться до скончания века, и все же телега его оставалась бы там, где была. Этот мир далеко не таков, чтобы в нем можно было простым повторением слов вытаскивать телеги из грязи или бедняков из их трупов. Тот, кто хочет молиться с толком, должен работать!

«Отче наш, иже еси на небесех!» Не деспот, правящий миром по своему произволу, а отец, любящий отец, наш отец, отец для всех нас, — таков смысл Христова учения. Он наш Отец, а мы Его дети. Но вот люди видят кругом себя страдание и неправду, которыми наполнена человеческая жизнь даже в так называемых христианских странах, и говорят, что нет никакого Отца на небесах, что Бога нет, ибо, будь Он, Он не допустил бы ничего подобного. Как слаба мысль этих людей! Что сделали бы мы для наших детей, будучи отцами? Решился ли бы кто-либо из нас, зная мир и законы человеческой жизни, окружить своего сына такой охраной, чтобы он не мог сделать никакого зла и не мог испытать никакого страдания? И что оказалось бы в результате такого воспитания? Избалованное животное, но не владеющий собою человек! Мы, действительно, Его дети. Но пусть кто-либо из Божьих детей упадет в воду, и если он не научился плавать, он утонет. Если он будет далеко от земли и не будет по близости лодки или чего-либо

такого, к чему он мог бы пристать, он все-таки утонет, в состоянии ли он будет плавать или нет. Бог Творец мог создать людей такими, что они плавали бы как рыбы, но как мог бы он создать их такими, чтобы они плавали как рыбы и вместе с тем имели бы тела, подобные нашим, чудно приспособленные к тем требованиям, которые может предъявлять к ним заключенный в них разум? Бог мог создать рыб; Он мог создать птиц, но мог ли Он, при тех Его законах, каковы они есть, создать животное, столь же приспособленное для плавание, как рыба, и столь же приспособленное для летание, как птица? Что разум, который мы видим всюду в природе, всемогущ, не значит, чтобы он мог идти против самого себя или смеяться над своими же законами. Да, мы дети Божьи. Но что такое Бог, кто скажет? Всякий человек знает это; всякий человек знает, что позади всего, что мы видим, есть какая-то сила, способная создать все это; что за пределами доступного нашему пониманию царит разум, превышающий тот, какой есть в человеке,—разум, для которого человеческое разумение является все же подобием, хотя бы и бесконечно малым.

Да, мы — Его дети. Мы обладаем до известной степени тем даром приспособление средств к целям, который должен был проявить себя, чтобы вызвать к существованию этот мир. Посмотрите на те огромные суда, постройкой которых прославилась Англия. В океане, волны которого они бороздят, плавают киты, дельфины, рыбы разного рода. Но они и теперь остаются такими же, какими были в то время, когда Цезарь подходил к этому острову или когда древние бритты спускали в море свои обтянутые кожей лодки. Люди тоже теперь плавают не лучше, чем плавали они в те времена, но посмотрите, какие успехи сделали они благодаря своему пониманию, как развилась их творческая способность и как, благодаря ей, они стали теперь переплывать океан быстрее всякой рыбы. Посмотрите на один из тех огромных пароходов, которые пересекают теперь Атлантический океан, делая по шестисот верст в день, невзирая на встречный ветер. Разве не есть он в некотором роде произведение божественной силы, — создание, до известной степени подобное тем рыбам, которые плавают на дне? Вот здесь-то и обнаруживается различие между человеком и животными; здесь-то и раскрывается между ними широкая и непроходимая пропасть. Человек в ряду других животных есть единственное способное творить, — единственное, обладающее божественным даром приспособление

средств к целям. И возможно ли, чтобы человек достигнувший благодаря своим способностям того, что стал переплывать Атлантический океан в какие-нибудь шесть дней; оказался бы не в состоянии уничтожить те условия, которые заставляют тысячи семей жить в тесных и вонючих конурах? Когда мы подумаем о тех изобретениях, какие сделаны человеком, и посмотрим затем на нищету, гнездящуюся в самых богатых городах, на невежество, произвол и неправду, царящие в наиболее просвещенных странах, мы не колеблясь решим, что так это есть не по вине Бога, а по вине человека. Можем ли мы не понять того, что в той самой способности подниматься выше и выше, которая дана была человеку от Бога, что в самой этой способности заключена, и по необходимости заключена, способность падать все ниже и ниже?

«Отче наш!» Наш Отец! В молитве не говорится мой Отец, а наш Отец, — Отец всех людей, всех без различия любящий Отец. И у Него мы просим Его царства. Но мы лишь устами приближаемся к Нему. Мы зовем Его Отцом лишь тогда, когда склоняемся перед Ним в молитве. Но всеми нашими учреждениями мы отрицаем Его, как Отца всех людей! Он создал мир, сотворил человека по образу Своему, поселил его на земле, чтобы из недр ее он мог добывать себе пропитание, чтобы в ней находил он все нужное для удовлетворения своих потребностей лишь при одном приложении труда. И как Отец людей, разве не поставил он всех нас, детей своих, в равное положение относительно пользования Его милостью? Но, однако, наши законы не признают, чтобы земля была предназначена для пользования всех людей, а считают ее лишь собственностью меньшинства. Мне припоминается маленький разговор, напечатанный где-то. Он ведется между мальчиком и его отцом при посещении ими кирпичного завода. Мальчик видит людей, делающих кирпичи, и спрашивает, кто эти запачканные люди, зачем они возятся с глиной и много ли они зарабатывают. Узнав это, он спрашивает о собственнике кирпичного завода. «Он не делает кирпичей,— говорит отец,—он получает доход, предоставляя делать их другим людям». Мальчик спрашивает тогда, кому принадлежат сделанные кирпичи, и узнает, что они принадлежат прежде всего людям, которые их сделали. Тогда он спрашивает о собственнике кирпичного завода, почему он владеет всей залежью глины. «Разве он сделал ее?» Нет, — отвечает отец, — она была сотворена Богом. «И Бог сотворил ее для

него? — спрашивает мальчик. Тогда отец замечает мальчику, что он не должен делать таких вопросов, что все это делается по заведенному порядку и что все это находится в полном соответствии с законом Божьем. Мальчик, — без сомнения, ученик воскресной школы, — перестает спрашивать и только бормочет про себя: «Бог так возлюбил мир, что отдал ему своего единородного сына, но, видно, собственника этого кирпичного завода он возлюбил так, что отдал ему в придачу также и всю эту залежь глины».

Все это отзывается кощунством, но я вам и не передаю этот разговор с легким сердцем. Я не допускаю шуточного тона в отношении священных предметов. Но порой бывает полезно, чтобы мысль шокировала нас. Подумайте о том, чему учит нас христианская вера; подумайте о жизни и смерти Христа. Подумайте об учении Его, что все мы одинаково дети Всемогущего Отца, который чужд лицепрятия. И подумайте затем о той узаконенной неправде, о том отрицании самых важных и основных прав детей Божьих, которое позволяют себе делать даже многие из учителей веры, — более того, — которое они кощунственно признают за входящее в планы и намерение самого Творца. На мой взгляд, лучше и благороднее поступают люди, которые говорят, что нет Бога, чем те признанные христиане, которые болтают о благодати Небесного Отца и в то же время явно или скрытно признают, что миллионы и миллионы человеческих существ по воле Бога ежедневно являются в мир, где не приготовлено для них места. Нам говорят, что бедные, по воле Бога, созданы для того, чтобы богатые могли проявлять показную добродетель, распределяя между ними свою милостыню. Нам говорят, что такое положение дел, когда малые дети мрут ежедневно сотнями тысяч, зависит просто от того, что дети Бога, приходя в мир по Его повелению, не находят там для себя достаточно места, чтобы жить; что они изгоняются из Божьего мира потому, что нет там для них достаточно воздуха, нет там для них достаточно пищи. Я не верю в такого Бога. Если бы я и поверил в него, то я возненавидел бы его от всей души, хотя быть может в страхе и падал бы перед ним на колени. Нет в этом мире достаточно места для малых детей!.. Но посмотрите в любой цивилизованной стране, разве нет там места и даже с избытком? Недостаточно пищи? Но посмотрите на незанятых рабочих, на нераспаханные поля, на расточаемые повсюду естественные богатства. Да! То христианство, которое сваливает на

Творца ответственность за зло, страдание и бедствие, зависящие от человеческой неправды, это христианство хуже и несравненно хуже всякого неверие. Оно есть богохульство; грех против Духа Святого, грех, которому нет прощенье!

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь», молимся мы. Но если бы Адам, выйдя из рая, сел у ворот и стал молиться, то он молился бы до сего времени, не получая ничего для своего пропитание, пока не начал бы работать: Однако пища есть дар Божий. Бог не дает нам готовых кушаний, убранных блюд, настланных скатертей. Он дает нам лишь возможность производить их, возможность вырабатывать их своим трудом. Воля Его такова, — она выражена в Священном Писании и начертана всюду в природе,— чтобы трудом своим мы производили все нужное нам. Природа вознаграждает труд и только труд. Бог дает нам «лишь те естественные запасы, которые необходимы для труда. И Он дает их не одному какому-либо человеку, не нескольким лицам, не одному какому-либо поколению, но всем без различие людям. Это дары Его, Его милости ко всему человеческому роду. И тем не менее, что видим мы во всех цивилизованных странах? Что некоторые люди захватили себе эти милости, считая их своей личной собственностью, а огромное большинство не имеет законного права прилагать свой труд к богатствам природы и пользоваться благодатью Творца. Потому-то всюду в образованном мире так называемые трудящиеся классы принуждены жить в бедности, а люди, которые даже гордятся тем, что ни они, ни их предки никогда не занимались честным трудом, ведут роскошную жизнь и имеют вволю произведений труда.

Некий мистер Абнер Томас, написал недавно рассказ, под заглавием «Сон». Задремав в кресле, он увидел себя, будто он был перевезен на другую сторону реки Смерти. Там он пошел прямой и узкой дорогой и вскоре же пришел к Золотому городу. Благообразный старец отворил пред ним ворота, узнал его имя и впустил его в город, посоветовав в то же время быть осторожней в выборе товарищей и не очень- то знаться с опороченными ангелами.

— Как, — спросил в удивлении вновь пришедший, — разве это не рай?

— Нет, это — рай, — отвечал привратник,— но здесь в настоящее время развелось довольно много бродячих ангелов.

— Как могло это случиться ? — спросил во сне Томас. — Разве не пользуется здесь каждые в полном изобилии всем тем, что ему может быть нужно?

— Да, так было прежде, — заметил привратник, — и тогда, если вам нужно было полировать свою арфу или расчесать крылья, вам самим приходилось делать все это. Но здешняя жизнь совершенно изменилась с тех пор, как мы ввели в действие на небе те же постановления, какими определяется право собственности в наиболее развитых странах на земле. Все сразу же улучшилось, по крайней мере для высших классов.

Привратник посоветовал тогда вновь пришедшему получше обсудит вопрос о том, где удобнее будет ему устроиться.

— Да я нигде не хочу устраиваться, — сказал Томас, — я лучше пойду вон на тот чудный зеленый холм и разлягусь там.

— О нет, я вам не советовал бы делать этого, — заметил привратник: — тот ангел, которому принадлежит этот холм, очень недолюбливает нарушений его права собственности, а как я вам сказал, несколько столетий тому назад мы установили право частной собственности

на землю рая. Мы всю ее поделили, и вся она находится теперь во владении частных лиц.

— Надеюсь, что вы и меня не забыли при этом дележе, — спросил Томас.

Нет,—ответил привратник,—о вас не было речи; но вы можете приняться за работу и в какие-нибудь два столетие скопить достаточно, чтобы купить себе хорошенький участок. Приходя сюда, вы бесплатно получаете пару крыльев и, заложив их, вы легко можете устроиться где-нибудь, пока не найдете работы. А с этим я очень советовал бы вам поторопиться, так как народу у нас все прибывает и прибывает и уже теперь оказывается значительный излишек в предложении труда. Бродячие ангелы становятся прямо-таки нашей язвой.

— Но какую работу могу я найти? — спросил Томас.

— Наши главные занятия, — отвечал привратник,—это изготовление арф и венцов и выращивание цветов; но здесь всегда

бывает спрос и на личные услуги разного рода.

— Я люблю цветы, — сказал Томас, — и я займусь их выращиванием. Вот прекрасный участок земли, которым, по видимому, никто не пользуется. На нем я и буду работать.

— Нет, так вы не можете устроить дело,— заметил привратник. — Этот участок принадлежит одному из дальновиднейших наших ангелов, который сильно разбогател, торгуя землей, и который владеет теперь этим участком, поджидая повышение его цены. Прежде, чем устроиться на нем, вам надо купить или арендовать его, а так просто вы не можете, занять его. И в этом роде продолжается повествование о том, как все дороги на небе, как все улицы Нового Иерусалима переполнились несчастными блуждающими ангелами, которые заложили свои крылья и сделались отверженцами на самом небе.

Вы смеетесь, и все это действительно забавно. Но в этом есть и известный нравственный смысл, очень заслуживающий внимание. Не смешно ли прилагать в воображении к Божьему раю те же правила дележа, какие мы прилагаем к Божьей земле, молясь в то же время, чтобы воля Его исполнилась и на земле так же, как на небе?

Как бы ни был благотворен воздух рая, как бы ни был ярок наполняющий его свет, как бы ни был чуден рост его деревьев и цветов, там все равно была бы та же бедность, те же страдание, то же деление на классы, какие мы видим на земле, если бы он так же был разделен, как разделена земля, и никакое воображение не в силах бы было представить себе что-либо иное, допусти только мы в мыслях, что и на небе были бы заведены такие же владение, как на земле. И обратно, если бы люди здесь на земле стали относиться друг к другу так, как должны, по нашему мнению, относиться друг к другу жители неба, разве наша земля не превратилась бы в рай?

«Да придет царствие Твое!» Невозможно представить себе иным царство, о котором мы вопрошаем в молитве, как местом, где правят справедливость и равенство, не обязательно равенство положений, но равенство возможностей. Кто не верит, что царство это наступило бы здесь на земле, если бы люди стали искать справедливости, если бы они признали основной закон христианства, — поступать с другими так, как желаешь, чтобы поступали с тобой, — если бы признали, что все мы здесь равные дети одного Отца, все имеем одинаковое право

пользоваться Его милостями, жить данной нам жизнью, развивать вложенные в нас способности и прилагать свой труд к сырым материалам, заготовленным Богом? А веря этому, кто не почувствует в себе той радостной надежды приближение царства Божие, которая принесла Евангелие на улицы Рима, распространила его по всем языческим землям и сделала господствующей религией мира, невзирая на самые преследование? Древние христиане, молясь о наступлении царства Христа, мечтали не о наступлении царства его на небе, а о наступлении царства его на земле. Касайся проповедь Христа просто другого мира, первосвященники и фарисеи не стали бы преследовать его, римские солдаты не пригвоздили бы его ко кресту. Почему подвергалось преследованием христианство? Почему отдавали на съедение зверям его первых приверженцев, почему сжигали их, вместо факелов, в садах тиранов, почему травили их собаками, истязали, предавали смерти в самых жестоких мучениях, какие только могла придумать дьявольская изобретательность палачей? Не потому, чтобы оно было новой религией, заботящейся только о будущем. Рим относился с терпимостью ко всем религиям. Рим хвастался тем, что все боги находили для себя приют в его храмах. Рим гордился тем, что никогда не вмешивался в религиозные дела завоеванных им народов. Что преследовалось, так это великое стремление к преобразованию общественного строя, — Евангелие Правды, которому с радостью внимали простые рыбаки и которое приносили в столицу императоров крестьяне и рабы. Христианское откровение было учением о равенстве людей, о том, что Бог есть отец, а люди — братья. Оно ударяло в самый корень того бесправия, которое угнетало рабочие классы. Оно разбивало цепи рабов и уничтожало ту великую неправду, которая давала возможность кучке людей роскошествовать на счет труда массы и держала рабочих людей, что называется, в чёрном теле. Только потом стали затемняться чистые истины Евангелие учением о том, будто Бог лицепрятно относится к людям и будто по воле Его и по Его повелению возникла та чудовищная неправда, которая обрекает большую часть человечества на нескончаемый тяжелый труд.

Не может быть и тени сомнения в том, что все мы дети одного Отца, что все мы равно одарены правом на пользование Его милостями. Ни один человек не осмелился бы открыто выступить против этой истины. И люди, которым она колет глаза, уклончиво

говорят: «Да, все это правда; но нельзя провести этого в жизнь». Но вникните в смысл этих слов. В Божьем мире не может быть осуществлена правда Божие и воля Его!.. Разве не нелепость это, разве это не богохульство? Если и точно царит во вселенной любящий Бог, если и точно законы Его распространяются не только на физический, но и на нравственный мир, то должна быть возможность к исполнению Воли Его в отношении всех Его созданий, должна быть возможность ко всем к ним быть одинаково справедливым.

И эта возможность действительно существует. Люди, которые ее отвергают, не хотят видеть простого и легкого способа к ее достижению. При нашем общественном развитии, понятно, уже нельзя бы было делить землю равными долями. Этот порядок мог применяться лишь при первобытном состоянии общества, среди народа, подобного тому, для которого составлено было законодательство Моисея. Его нельзя было бы применять при теперешнем состоянии общества. Мы ушли уже в своем развитии далее того места, когда можно было прилагать такие примитивные средства. Но мы не зашли еще, да и никогда не зайдем так далеко, что нам нельзя бы было осуществлять Божьих предначертаний. И мы можем обеспечить за всеми равенство прав, не разделяя землю на равные части, но отбирая в общую пользу ту ценность, которая возникает в земле не вследствие приложенного к ней личного труда, а вследствие роста народонаселение и вследствие общественных улучшений. Таким способом мы могли бы всех одинаково сделать участниками во владении землею родной страны. Если бы кто-нибудь пользовался более ценной землей, чем его сосед, то он платил бы и более налогов. Если бы кто-нибудь и вовсе непосредственно не пользовался землей, все же он наравне с прочими пользовался бы с нее доходом. И как прост этот способ, как хорош! Как ясно выражены в нем благие предначертание Небесного Отца! В природе мы всюду видим разумную преднамеренность: будем ли мы смотреть в телескоп на звезды или в микроскоп на те миры, которые заключаются в капле воды. И даже люди, отрицающие творческий разум, принуждены, бывают, наперекор самим себе, толковать о предназначении. Когти животных, говорят они, очевидно предназначены для лазания, плавники — чтобы плавать. Но сверх этой разумной преднамеренности мы ничего не можем усмотреть в законах физического мира. Мы не усмотрим в них признаков благости. Однако

в том великом общественном законе, что с ростом народонаселения, с введением усовершенствований, с движением человечества вперед по пути развития всюду поднимается ценность земли, мы можем видеть также благость Творца.

Вдумайтесь только во внутренний смысл этого явления. Разве не показывает он того, что общественные законы приспособлены к движению вперед человека. При грубом состоянии общества, когда нет еще общих расходов, земля не имеет никакой ценности. Ценность имеют тогда лишь произведения труда. Но лишь только начинает развиваться образование, лишь только появляется разделение труда и люди сгущаются местами, как возникают общие нужды и делаются необходимыми общественные расходы. И вот в ценности, которую получает земля в доходе, который она начинает приносить не вследствие чего-либо такого, что делает каждый из нас, а просто вследствие роста общества, оказывается тогда как бы запас, предназначенный для покрытия общественных расходов, — запас, который все увеличивается и увеличивается вместе с ростом общественных потребностей. И, забирая этот доход в пользу общества, мы нимало не нарушали бы права собственности, ничего не отнимали бы у производителей и нигде не уменьшали бы естественной награды за трудолюбие и бережливость. И только лишь забирая этот доход в пользу общества, мы могли бы предупредить возникновение самого безобразного из всех захватов. Что же это значит? Не значит ли это, что согласно творческому плану естественный рост общественной жизни приводил бы не к чудовищному неравенству, а к все большему и большему равенству?

«Да придет царствие Твое!» Быть может, мы никогда не увидим его. Но для человека, который верит, что оно должно наступить, для человека, который видит, что он послан сюда для того, чтобы работать ради наступления этого царства на земле, — для такого человека, хотя бы он и не увидел здесь этого царства, есть безмерно великая награда в сознании того, что он, слабый и незначительный человек, кое-что делает ради наступления этого царства, что он работает на стороне той доброй силы, которая проявляется всюду во вселенной, что он трудится ради того, чтобы вырвать этот мир из когтей дьявола и сделать его царством праведности. Быть может, мы никогда его не увидим. Но люди, которые борются ради него, знают в глубине своих сердец, что оно где-то существует, что где-то когда-то всякий, кто

помогал его наступлению, услышит приветствие Господа: «добрый и верный раб, — Тот скажет ему, — войди в радость господина твоего».